

18+

А. Смирнов

ЕВГЕНИЙ
ОНЕГИН

2

Андрей Смирнов

Евгений Онегин – 2. Пьеса-поэма

«Издательские решения»

Смирнов А.

Евгений Онегин – 2. Пьеса-поэма / А. Смирнов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-746030-3

На чём же всё остановилось? Ах, да! «Навеки отдана...» И что?! Как будто всё забылось, когда она теперь жена! И сердце от любви закрыла? Смогла очиститься душа? Смогла забыть, что так любила!? И жить, все чувства заглуша? Не верю я, что так возможно, что здесь у сказочки конец, что тут предельно односложно: «Ой, всё! На голове венец...» По мне — здесь ставить точку рано! Желая тему я раскрыть! И продолжение романа на суд готов вам предложить...

ISBN 978-5-44-746030-3

© Смирнов А.
© Издательские решения

Содержание

Вступление	6
Первый бал	9
Второй бал	21
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Евгений Онегин – 2

Пьеса-поэма

Андрей Смирнов

© Андрей Смирнов, 2024

ISBN 978-5-4474-6030-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Вступление

...и вот дождливою порой,
объятый пламенем сомненья,
ведомый роковой судьбой
и пылким жаром нетерпенья

он возвращается в Москву,
столицу праздного веселья,
людских пороков, нищеты
и беспробудного похмелья.

Нелёгко путь его домой,
и душу разрывают думы,
и мысли тусклой чередой
печалют лик его угрюмый...

А за окном лишь серый мрак,
стена дождя и шквальный ветер
и капель стук колёсам в такт
и в ночь переходящий вечер.

С чужбины едет он домой,
изгнав тоску с души и ревность,
пять лет отдав на упокой
огня в душе, хранящей верность
(на протяжении стольких лет
безбрежной боли и страданий)
тем чувствам, что белей, чем свет
и ярче молнии сияний.

Но время лечит, говорят,
и правда тут близка порою...
Иль Бог помог надеть наряд
забвенья нашему герою?

Но та любовь была сильна,
и позабыть её не просто,
и хоть её разрушен остов,
в осколках, но жива она...

Она в глубоком заточеньи,
в далёком уголке души,
и воля стережёт паденье
в пучину адского влеченья,
пытаясь чувства заглушить...

Но разум, ставя цель благую —
«заставить сердце не любить»
не знал, что, выбрав жизнь такую,
лишает душу смысла жить.

И вот в надежде возродиться,
душевный обрести покой
он приближается к столице,
он возвращается домой...

Как будто спит осенний город...
Вокруг такая тишина...
И, не пуская зимний холод,
висит тумана пелена.

Листва совсем уж облетела,
укрыв земли нагое тело
осенним огненным ковром,
и ветер тормозит умело,
живой узор меняя смело,
листвы расклад, в наряде том.

Вмиг разогнав туман тягучий,
разрушив утренний покой,
он принимается за тучи,
сменив на визг протяжный вой.

О, сколько в этом буйстве страсти,
желанья переделать мир,
заполонить его ненастьем,
устроить вакханальный пир!

Но вот, устав ворочать тучи,
насытившись своей игрой,
он прекращает небо мучить
и приглушает голос свой,

а солнце, не теряя случай,
сквозь просветленье в облаках
на землю свой спускает лучик,
пытаясь всё согреть в руках.

Но нет, тепло уже не станет,
Светило лишь дарует свет,
и скоро уж зима нагрянет,
и даже свет сойдёт на нет...

А между тем его карета,
подъехав к дому одному,
венчает бегство на край света,
вернув к началу своему.

Пять лет назад тот дом покинув,
герой наш устремился в ночь,
всё то, что дорого, отринув,
тоску не в силах превозмочь...

И вот его он видит снова,
и хоть вид мрачный и пустой
душа лететь к нему готова —
всегда нас манит дом родной...

Привычно скрипнуло крылечко,
всё также заедает дверь,
секунда – и дрова уж в печке,
и жизнь наладится, поверь...

Друг друга день и ночь сменяют,
неторопливо жизнь течёт,
и постепенно превращают
морозы дождь осенний в лёд.

Уж по утрам трава белеет,
туман клубится над рекой,
и птица редкая не смеет
нарушить тишины покой.

Наряд деревья потеряли,
стоят, ветвями шевеля,
поля совсем уже увяли,
в сон погружается земля...

А в небесах седые тучи
плывут неторопливо вдаль,
им скоро груз нести наскучит —
на землю спустят снега шаль.

Ну, а пока кругом лишь серость,
и даже днём уже темно —
угасла солнечная щедрость,
а с нею утекло тепло...

Первый бал

Однажды вечером Онегин
шум из парадной услышал,
и вскоре сам источник шума
во всей красе пред ним предстал.

Он был в гусарском облачении,
красив, высок, широкоплеч,
и, не теряя ни мгновенья,
он начал пламенную речь:

*– Евгений! Сколько лет, дружнице!
Позволь же мне тебя обнять!
А мы его в Париже ищем!
А он – в столице, вашу мать!
Когда приехал? И надолго?
И почему же ты молчал?
А степен как! Подумать только!
Ты погляди – статуей стал!*

– Да вот, с делами разбирался...
И право – я по вам скучал!
Всё пригласить вас собирался,
но дел невпроворот! Завал...
И дом, как видишь, обновляю,
в поместье вообще разгром.
Ещё пороги обиваю —
идейка есть за рубежом.

*– Евгений! Это не годится
иметь прожекты за границей!
У нас огромная страна —
пошли—ка ты Европу на!
Да и дела свои пошли!
Жизнь не для этого дана,
и даже если на мели —
друзья дадут испить вина!*

– Я вам признателен, мой друг,
и верил, что не одинок.
Клянусь – вернусь в наш тесный круг!
Дай мне недельный срок.

*– Мы в нетерпении, поверь!
Всегда тебе откроем дверь,
всегда ссудим тебе алтын*

*и приотим, наш блудный сын!
Мы ждём подробнейший рассказ
про жизнь в Европе, без прикрас.
Ещё поведать должен нам
как за граница в части дам,
и много ли сердечных драм
ты разыграть смог там?
Смогла ль тебя очаровать
смазливая брюнетка?
Иль вдруг заставила страдать
жеманная кокетка?
Да не томи ты, расскажи!*

– Они довольно хороши,
но нету широты души...

– О, да! Улавливаю суть —
у женщины должна быть грудь!
Чтоб было бы на чём всплакнуть,
что поласкать, на что взглянуть!

– Мой смысл был совсем другой...
Но я согласен и с тобой)
А в части сладостных утех
я не имел большой успех.
Да, был один пустой роман,
увлёл меня немного,
но быстро спал любви дурман,
а впрочем, слава богу...

– Да, брат, пора тебя спасать!
Романчик за три года!
Таким раз в час должны давать,
ошибка ты природы!
Но ничего, придёт твой час,
ещё порадуешь ты нас!
Научим мы тебя любить.
Глядишь, и будешь нас учить.

– Я не уверен, что хочу...

– Милейший, вам пора к врачу!
Хотя я знаю средство
(я знаю его с детства):
Сначала пьём ведро вина...
...и хворь твоя излечена!
А можно по—другому —
берём бутылку рому...
А можно...

– ...понял я, постой!
Я ведь зарёкся пить с тобой!

– *Сейчас пить можешь смело —
мы ж за благое дело!
Да и к тому же всё равно
остепенился я давно —
с утра уже почти не пью,
особенно, когда я сплю!*

– Я соглашусь испить с тобой,
когда потянет в мир иной,
но, а пока я не стремлюсь
покинуть ад земной!

– *Не хочешь пить? Идём на бал!
Вот давеча я повстречал
таких милашек, просто мрак!
Чуть не порвал я с ними фрак!
И хорошо ещё что снял,
иначе точно бы порвал!*

– Пока я не готов к балам...

– *А я клянусь – ты будешь там!
Иначе двину сгоряча
и точно встретишь ты врача!
Уж лучше на балу скакать,
чем с костылями ковылять!
Шучу, конечно, я, любя,
но, Женя, не гневи меня!
Не буду больше я смотреть
как ты стремишься умереть.*

– Да не хочу я умирать!

– *Но жить не можешь, твою мать!
Ты существуешь... как бревно,
хотя... тебя живей оно!
Я это вижу по глазам.
Там даже места нет слезам!
В них пустота, в них жизни нет,
и в них горит лишь чёрный свет!*

– Не прав ты, просто много дел...

– *Да это полный беспредел!
Я даже слышать не хочу!*

*Ты что, забыл? Пойдёшь к врачу!
Всё! Однозначно! Решено!
Нам завтра быть предрешено
у Воронцовых на балу!
Я в восемь за тобой зайду.*

– А ты настырен, спору нет...
Но как нарушить мне обет?!...
...но ты больницей угрожал...)
Сдаюсь я! Завтра – бал!

И вот в урочный час карета
остановилась у крыльца,
и вышел хорошо одетый
с улыбкою на пол—лица
уже знакомый нам поручик,
уже в подпитии слегка,
кричит: «Поехали, голубчик!
Нас ждут великие дела!»

«Евгений! Сколько ждать вас можно?
Имеем шанс мы опоздать!
А это ведь совсем не должно!
...да и скорее бы поддать!»

Схватив в охапку друга детства,
чтоб враз пресечь попытку бегства,
его в карету запихал,
и понеслись они на бал...

*– Онегин, вот мы, наконец, в раю!
Здесь нету места хвори и печали!
Здесь всё, что в этой жизни я люблю!
...За исключением когда мне в морду дали.*

– По—моему, случилось то не раз.

– *Вполне быть может... кто же то считает?*

– Никто, поручик! Знаю только вас,
кто в эти передряги попадает.

– *Видать, судьба моя нелёгкая такая —
спокойно не могу смотреть когда...*

– ...когда красotka молодая

скучает в стороне одна!)

– *Евгений, полноте, не стОит!*
Имел в виду я слово «честь»,
её защиту! Кто это оспорит?
Таких ведь случаев не счесть!

– Вот тут, мой друг, во всём согласен с вами.
Для вас небезразлично слово «честь».
И Русь горда подобными сынами!
И это правда, не пустая лесть!

– *Спасибо, друг, но что—то я смущаюсь.*
Пойдёмте в залу – многие нас ждут.

– Пойдём, но танцевать не собираюсь.

– *Я б станцевал, а то прохладно тут.*

И вот друзья в огромный зал заходят.
Везде веселье, суета и смех.
Тут каждый что—то для себя находит —
любой на выбор здесь доступен грех...

– **Кого я вижу?! Друг ты мой! Евгений!**
Я уж считал, что нету вас в живых!

– Я тоже так считал про вас, Арсений!
Но вижу смысла нет в надеждах таковых)

– **И я дай обниму тебя, негодник!**
Покинул нас в такой тяжёлый час!
Нам пить пришлооось... прости, Святой Угодник,
и это был ведь далеко не квас!

– Ну ладно, ладно, вам ли быть в печали?
На родине, в тепле, среди друзей.
Меня невзгоды бОльшие трепали...

– **...потом расскажешь! На, вина испей!**

Как хорошо порой к друзьям вернуться,
забыть тоску душевную и боль,
в веселье с головою окунуться,
сыграть беспечности простую роль.

И вскоре грудь уже свободно дышит,
и появился счастья блеск в глазах,
и разум стон души уже не слышит,

когда бокал вина в твоих руках!

Онегин, подустав от разговоров,
решает отлучиться на балкон,
где может, избегая лишних взоров,
со стороны взирать на праздник он.

Здесь музыки совсем почти не слышно.
Уединенье, тишина, покой.
Видать, вино, а, может, сам Всевышний
унял тоску невидимой рукой...

А там внизу, кружатся в танце пары.
И с высоты они как детские волчки.
Смешались барышни, лакеи и гусары,
мелькают кивера, ливреи, башмачки.

Сверкает золото, шампанское искрится,
парад нарядов, томный взгляд девиц.
Шикарный бал! Ну как тут не напиться
и не упасть перед красоткой ниц?

Но вдруг!
взгляд столь знакомый образ ловит!
ОНА стоит и с кем-то говорит...
Кто знал, что провиденье уготовит
удар в тот миг, когда покой настиг?

Её глаза, осанка, руки, плечи
чувств пробуждают ураганный шквал,
который, растерзав спокойства вечер,
возносит до небес любви накал.

И сердце будто бы остановилось,
и время перестало вдруг бежать,
ведь девушка, которая лишь снилась,
была близка... вот—вот рукой подать.

Минуту простояв в оцепенении,
не в силах отвезти от Тани глаз,
Евгений покидает бал в смятении,
пытаясь скрыть эмоции показ...

Давно уж ночь. Онегину не спится,
рой мыслей не даёт ему заснуть.
А как хотелось бы ему забыться
и крепким сном себе покой вернуть!

Но думы заполняют его разум,
остановить поток их нету сил —
воспоминания всплывают разом,
о том, как он любовь свою душил.

Пять лет очистить душу он пытался
от чувства, что мешало ему жить.
О, как Евгений только не старался,
пытаясь наваждение изжить!

Попыток было сделано немало...
но сложно тут оригинальным быть —
к бутылке пристрастился для начала,
пытаясь боль в душе вином залить.

И в забытии он проводил недели,
и вот от сердца вроде отлегло,
он бросил пить, но чувства протрезвели,
и с новой силою их будто прорвало...

Пытался также он в делах забыться,
работая пока хватало сил
и не давая мыслям отлучиться
на то, что он кого—то там любил.

И просто гнал свои воспоминанья,
как будто он до этого не жил,
но память удержать свою в изгнании
недолго смог – здоровье подкосил.

И пролежав два месяца в больнице,
поняв, что зря потратил столько сил,
решил зов плоти не держать в темнице —
к любви за деньги взор свой обратил.

Но с женщинами падшими встречаясь,
интимным ласкам с ними предаваясь,
в попытке страсть свою грехом унять,
Татьяну стал себе он представлять...

Пришлось и здесь ему остановиться,
раз даже грех не дал ему забыться...

И вот он делает ещё попытку,
чтоб прекратить навеки эту пытку,
решив – клин клином нужно вышибать,
вернее, новую любовь искать.

И девушку приятную приметив,
попытку сделал к ней любовь развить,
но быстро охладел он к ней, отметив,
что ей Татьяну в жизни не затмить.

А дальше он не стал себя неволить,
пытаясь свои чувства заглушить —
он более не мог себе позволить
борьбу, где невозможно победить.

Так он и жил, стараясь уживаться
с тем, что в душе боль от любви живёт,
от раны не пытаясь избавляться,
решив, само когда—то заживёт.

И вроде боль действительно притихла,
вполне терпимо позволяя жить,
а следом буря чувств до штиля стихла,
лишь изредка решаясь поштормить.

Но вот сегодня сложно быть спокойным —
так много чувств, что хочется кричать,
и жарко, словно в пекло летом знойным
(горит душа – и чем пожар унять?)

Как хочется излить кому—то душу,
отдать хоть часть того, что так гнетёт,
в ответ совет «как поступить» послушать...
но рядом нет того, кто всё поймёт.

И вот, устав держать слова в неволе,
встаёт он, направляется к столу,
чтоб рассказать бумаге о той боли,
что вновь в душе открылась на балу:

«И снова ты
в моих мечтах,
моих желаниях
и снах.

Там я в тебе,
а ты во мне.
Глаза в глаза,
душа к душе.

В сердцах огонь,
в душе пожар.
Сжигает нас
любовный жар.

А после нежность
и покой.
Мы как в раю.
Вдвоём.
С тобой.

Но больше нет
тебя со мной,
такой желанной
и родной.

А ты теперь
с другим в раю.
А я в аду.
Молюсь
и жду...»

И вот уж утро наступило,
и солнце, выйдя из—за туч,
весь город словно оживило,
направив в окна яркий луч.

И птицы трели засвистели,
прогнав ночную тишину,
и, песнь закончив, полетели
измерить неба глубину.

И кое—где уж горожане,
покинув тёплые дома,
бредут в тумане, как в сметане —
влекут их ранние дела.

Онегин, тоже встав пораньше,
уж переделал кучу дел,
решив грустить не стоит дальше,
что дальше некуда – предел...

А после завтрака он видит,
что к ним подъехал экипаж,
поручик из него выходит
и дом берёт на абордаж.

Сначала слышен его бас,
а вот он сам стоит анфас.

– *Онегин! Ты опять пропал!*

*И не болтай, что, мол, устал,
что будто бы упадок сил
тебя внезапно подкосил!
Сказали мне, ты так бежал,
как будто в салочки играл!*

– Действительно, пришлось уйти
мне где—то после десяти...

– *Уйти?! Поведал мне гусар
ты нёсся словно на пожар!*

– А может я окоченел
и побежал, чтоб бег согрел?
Иль захотелось мне уснуть...
или поспать ...не в этом суть!
Придумай сам чего—нибудь!

– *Меня б устроил даже бред,
мол, отлучился на обед,
но лишь бы правдою он был,
а не первопричину скрыл.*

– Мне тоже неприятна ложь,
но не хочу я обсуждать,
что породило сердца дрожь
и вновь заставило страдать.

– *На самом деле знаю я
(иглы в стогу не утаить),
что гложет изнутри тебя
и не даёт нормально жить —
хоть и стараешься ты скрыть
не смог Татьяну ты забыть.*

– Да... я согласен... не могу.
Я всё испробовал! Не лгу.
Не пожелаю и врагу
я жизнь такую – как в аду...
Давно мечтаю «не любить»...
Я жить хочу, спокойно жить!
Но на душе – сплошная ночь,
и вряд ли сможешь ты помочь...

– *Придумал! Грёмина – убить!
А вас с Татьяной поженишь!*

– Ты что такое говоришь???!!!

– *Всё, понял! Буду нем как мышь!
Зато тебя расшевелил!
А то «жить больше нетуу сишил...»!
Теперь я вижу – силы есть!
И отпусти! Желая сесть...
Ну, пошутил я, пошутил.
Я ж добрый – даже мух не бил!
А тут не муха – человек!*

– Да ты отправил за свой век
на небеса не меньше ста!

– *Но всё равно душа чиста!
То было, братец, на войне...*

– Тогда, добряк, поведай мне
когонесли с дуэли
в начале той недели?

– *Да вроде я и не попал...
Он поскользнулся и упал...
упал на свой же пистолет
и застрелился! Вершишь, нет?*

– Конечно, Дмитрий, верю я,
мы ж не враги с тобой – друзья!
Но всё равно так не шути,
иначе нам не по пути!

– *Я рад, что ты так злишься!
Боялся – согласишься...*

И тут поручик увидал
листок, что на столе лежал,
а на листке тот самый стих,
не спрятанный от глаз чужих.

– *Твои стихи? Забавно...
Красиво, но печально.
«...с другим в раю» ... вот это зря!
Она зарделась как заря,
когда ей про тебя сказал
в тот вечер, когда ты слинял.*

– Ты про меня ей рассказал????!!

– *А что, нельзя? Но я не знал!
Тогда скажу в грядущий раз,
что, мол, ошибку дал мой глаз,*

*что, мол, с большого бодуна
коня я принял за тебя!*

– Нет, нет! Не надо про коня!
Ты лучше с ней сведи меня!
Сам не смогу к ней подойти!

– Ну да, «умру на пол пути»)
*Не дрейфь, мой друг, лишь дай мне срок
и ты вспорхнёшь к ней, голубок!*

Второй бал

Как медленно текут минуты,
когда с любимой встречи ждёшь!
Хромает время почему—то,
когда его бежать зовёшь.

Оно назло стоит как будто
и дразнит тех, кто так спешит,
и до тех пор не скинет путы,
пока само так не решит.

Вернее, если вдруг заметит,
что ты отвлёкся от него,
то бегом вмиг тебе ответит,
да так, что не догнать его.

Но если видит нетерпенье
в глазах того, кто что—то ждёт,
то тянет каждое мгновенье,
нарочно не идёт – ползёт.

Вот и Онегин так попался —
позволил разыграть себя —
он время подгонять пытался,
а зря – им управлять нельзя.

И вот он ждёт с Татьяной встречу,
а мысли длинной чередой
летят к грядущему навстречу —
к свиданью с девушкой родной.

Одарит ли его улыбкой?
Иль будет холодна, строга,
признает встречу их ошибкой
и прочь погонит как врага?

А, может, скажет: «Здравствуй, милый!
Я так давно тебя ждала!
И вот настал момент счастливый —
я, наконец, тебя нашла!»

Так можно долго сомневаться —
– обрадует иль огорчит?
Судьба позволит им встречаться
или навеки разлучит?

...Вопросы новые рождаются,
поток их не остановить,
пока не прекратит пытаться
Евгений время торопить.

Настал день бала, наконец,
Онегин ждёт карету друга,
чтоб ехать к князю во дворец
для проведения досуга.

Друг не заставил долго ждать
и вот они уже в дороге,
поручик начал засыпать,
Евгений – начал бить тревогу:

– А точно там Татьяна будет?

*– Как можно князю отказать?!
Такое вряд ли он забудет!
Да все там будут, как пить дать!*

– А точно было приглашенье?

*– Конечно, Женя, прочь сомненья!
Заполнил собственной рукой
и лично им отнёс домой!*

– Позволь просить тебя открыться:
Как бланк с печатью смог достать?

*– Особо нечем тут гордиться
и лучше вам того не знать...*

К дворцу подъехала карета,
Онегин прекратил допрос,
Но, помолчав минуту где—то,
он снова задаёт вопрос...

И вот за этим разговором
они в роскошный входят зал,
который блеском и простором
любого бы очаровал.

Но наш герой красот не видит —
людьми он больше увлечён,
вернее, Грёминых он ищет,
точнее, Таню ищет он.

Пройдя три раза помещенье
и, не найдя кого искал,
в попытке скрыть своё волненье,
берёт с подноса он бокал.

Как медленно текут мгновенья:
секууунда... вот ещё одна...
и чтоб умерить нетерпенье
второй фужер он пьёт до дна.

Пора б уже остановиться,
а то немудрено напиться
и перед девушкой предстать,
по пьяни растеряв всю статью.

Но, наконец, он видит у дверей
ту девушку, которую так ждал!
Ту, что на свете всех милей,
ту, о которой лишь мечтал!

Она идёт, конечно, не одна —
её ведёт почти уже старик.
Она стройна, красива, чуть бледна,
а он давно к земле уже поник.

Безрадостен такой нелепый вид,
союз ветшания и юной красоты,
контраст такой любого убедит,
что этот брак – не брак её мечты.

Но, тем не менее, она его жена
и это невозможно изменить,
поэтому она обречена
долг исполнять – таким как есть любить.

И искренне, с душою, столько лет
любовь дарила, хоть любви и нет...

Итак, Онегин, сделав шаг вперёд,
вдруг замер, словно лодка, встретив сушь,
ведь он совсем не думал наперёд,
что будет делать когда рядом муж.

Идут минуты, час уже проходит,
Евгений себе места не находит.
В отчаяньи опять он пьёт вино,
но, к счастью, не пьянит оно его.

«Когда ж ты, наконец, уйдёшь, старик?!
Оставь её, пожалуйста, на миг!
Ты столько лет живёшь подле неё!
Оставь хотя б на миг сокровище своё!»

И тут поручик, мимо проходя,
бьёт по спине, особо не щадя:

– *Онегин, ну зачем тебе скучать,
статУю из себя изображать?
А ну, лакей, налей ему вина —
статУя тоже может быть пьяна!*

– Не надо, Дмитрий, хватит мне...

– *Ты помнишь? Истина – в вине!
А раз вино сейчас во мною,
то, значит, правду говорю
...и больше прав, чем больше пью!*

– Ты лучше вот в чём помоги
и я спишу твои долги —
супруга надо бы отвлечь...

– *Ты деньги можешь приберечь!
Я отвлеку – не в этом речь,
хотя... РАСПИСКИ МОЖЕШЬ СЖЕЧЬ??!!
Тогда во весь опор скачу!
Да ты расслабься – я шучу!
Всё сделаю бесплатно!
Задача мне понятна.*

И в тот же миг уходит он,
отвесив вычурный поклон...

И, наконец, Евгений видит,
как Дмитрий, расплескав вино,
куда—то Грёмина уводит,
чтоб с фрака удалить пятно.

Онегин следом выступает,
глазами ловит её взгляд,
который тело прошивает
как будто молнии разряд.

О, сколько чувств во взгляде этом!
Тут удивленье и испуг,
надежда, нежность, но при этом
тревога промелькнула вдруг...

И вот подходит он к Татьяне,
(как сердце бешено стучит!
и всё как будто бы в тумане)
и тихо—тихо говорит:

– Я очень рад, что Вас увидел снова.

– *И я вам рада, но удивлена...*

– Удивлены? Что значит это слово? —
Не ожидали видеть вы меня?

– *Признаться, да, совсем не ожидала.
Тем более приятно встретить вас.*

– А я признаюсь, что с того я бала
всё ждал, когда наступит этот час.

– *Да, Дмитрий говорил, что вы там были.
Но что же вы ко мне не подошли?*

– Сомнения меня остановили —
мне это можно? И прилично ли?

– *Но это вас сейчас не беспокоит?*

– Напротив, даже больше чем тогда.

– *Раз это так, то, может быть, не стОит?*

– Быть может, но возможно ль... навсегда?

– *Я думаю, конечно, всё возможно,
и доказательство – последние пять лет.*

– Но не скажу, что было мне несложно —
и до сих пор покоя в сердце нет.

– *Прошу, не надо ворошить былое!
Что было, то давно уже прошло.
Уже не важно – доброе ли, злое,
оно в историю навеки перешло.*

– Я не скажу, что мною всё забыто.

– *И я забыть не в силах, но поверь—
так лучше, когда прошлое закрыто...
душа закрыта от былых потерь...*

– О, да, тут невозможно с вами спорить.
Вопрос лишь в том, как душу—то закрыть?

*– Пройдёт само, но чтоб процесс ускорить,
наверно, нужно встречи исключить.*

– Но как же жить, когда я Вас не вижу!?

– Вот – видите. Вам стало легче жить?

– Нет! И любовь за это ненавижу,
но как заставить сердце не любить?!

*– Неведомо мне, к сожаленью, средство,
поэтому предпочитаю бегство.*

– Я тоже много лет предпочитал,
но больше не могу – устал.

– Мне жаль, но я не знаю чем помочь...

– Хотя бы не гоните меня прочь.

*– Я не хочу, но надо вам бежать,
иначе можете вы мужа повстречать.*

Действительно, он шёл уже назад,
и встреча принести могла в семью разлад.
Поэтому Онегин лишь кивнул,
рукой махнул и к выходу рванул...

Идти довольно далеко,
и холодно и снега много,
и заблудиться так легко —
уж ночь и не видна дорога.

Но нет преград теперь ему —
«Татьяна любит! Нет сомнений!»
и смело в ночь ступил Евгений,
подавшись к дому своему.

Он не идёт – бежит, летит,
как будто крылья за спиною,
и сам с собою говорит,
объятый страстью неземною:

«О, боже, боже, боже мой!
Я счастлив, я живу опять,
живу опять, лечу, парю,
её глаза, её люблю!
Её улыбка – нежность, радость,
блаженство, наслаждение, сладость!
Её уста, любви уста!
Очаровательна, чиста...
Живу опять, хочу опять!
Хочу летать, любить, мечтать!
А как смотрела на меня!
С такою нежностью, любя!
И прятала порой глаза!
В них, кажется, была слеза...»

Конечно, верно говорят,
что по колено море пьяным,
но тот, кто пьёт трезвей в сто крат
того, кто так влюбился рьяно:

«где даже пьяный не пойдёт,
влюблённый лишь замедлит ход»

Так и Онегин, окрылённый
любовью, сквозь буран идёт,
он будто бы заговорённый
отважно движется вперёд.

Мороз крепчает, вьюга воеет,
дороги заметая след,
но это мало беспокоит,
когда на сердце страха нет.

Когда любовь заполонила
собою душу, разум, тело,
надежде в сердце путь открыла
и твоей волей завладела,

то можешь горы ты свернуть,
с небес любимой звезд достать,
заставить реку повернуть
и... сквозь буран домой шагать.

Вот так герой наш и идёт —
сама любовь его ведёт,
и освещает ему путь
и не даёт с пути свернуть,
и он идёт, идёт вперёд,
и в унисон с душой поёт:

«...воспряли чувства ото сна,
ушла с души печали тень,
и расцвела зимой весна,
и ночью наступает день!...»
...хотя кругом такая мгла,
что Солнце спрятать бы могла.

Да, на душе всегда светло,
когда от сердца отлегло,
когда тоска твоя прошла,
а с нею грусть—печаль ушла.

И этот радостный настрой,
что помогал ему идти,
помог и путь в ночи найти
и, наконец, привёл домой.

И хоть Онегин ослабел,
он пулей в кабинет влетел,
а там – к столу, схватил перо
и принялся строчить письмо:

«В душе моей опять любовь,
опять во мне она поёт...
И словно я родился вновь,
и снова в рай меня влечёт.

Я счастлив, что нашёл тебя —
ты принесла с собой покой...
и мне так хочется шептать:
«Побудь ещё чуть—чуть со мной...»

Мне так приятно быть с тобой,
приятно вспоминать тебя
и говорить тебе, любя:
«Ты так прекрасна, ангел мой!»

В душе моей опять любовь,
и мне так хочется кричать:
«Спасибо, Господи, что вновь
душе возможность дал летать!»

Татьяна в комнате одна
читает, сидя у окна.
Горит огонь едва—едва
в камине, щёлкают дрова,
на столике свеча дрожит,

а за окном метель кружит,
и темень вечер гонит прочь
– в свои права вступает ночь...

Вдруг слышится дверной звонок.
«Кто в час такой прийти к нам мог?»
Затем муж в дверь к ней постучал,
вошёл и, дав конверт, сказал:

– *Татьяна, тут тебе письмо.*

– Письмо? Откуда? От кого?

– *Не знаю, подписи тут нет.*

– Раз нет – тогда сожги его.

– *Не станешь даже открывать?*

– Ну, а зачем себя скрывать?
Я анонимок не люблю.
Не хочешь ты – сама спалю.

– *Как знаешь – я бы прочитал,
а уж потом в огонь бросал.*

Она, конечно, поняла
кто автор этого письма,
но с неохотою взяла,
заверив, что сожжёт сама.
Ведь не могла она признать,
что ЖАЖДАЛА его забрать...

Но даже взяв письмо себе,
всё не решалась открывать,
осознавая, что к беде
оно могло её призвать.

Но нетерпение узнать,
что ей любимый написал,
не позволяло долго ждать,
и час открытия настал.

На миг к груди письмо прижав,
сургучную печать сломав,
Татьяна принялась читать,
пытаясь чувства удержать.

Она читала про любовь...

Его любовь, свою любовь.
И стих рождал в душе мечты
о счастье с милым, вновь и вновь...

...о тёплых встречах под луной,
и разговорах до утра,
о жизни райской, неземной
с избытком нежности, добра,

где нет печали и тоски,
где круглый год – цветущий май,
и помыслы чисты, легки,
и счастье льётся через край...

...как сладко, всё забыв, мечтать!
Но тем больней осознавать,
что в жизни не достигнешь ты
своей несбыточной мечты...

И стали мокрыми глаза,
и покатила вниз слеза.

То были капельки любви,
они стекали по щекам...
К себе тянуло их письмо,
и вскоре они были там.

И пробегая по словам,
их размывали по пути...
И стих, что повод дал слезам,
уж не читаем был почти.

Так плод любви и сладких грёз
был смыт потоком горьких слёз.

Но пересилив чувств напор,
письмо Татьяна убрала,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.